

Филимонов О.В.

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация: Автор в своей статье рассматривает проблему изменения экстремистского дискурса, усиление ризомичности информационного воздействия экстремистской идеологии. На примере концепции «окна возможностей дискурса» («окна Овертона») показывается технология преобразования коммуникативного дискурса от «немыслимого» к «действующей норме». Отмечается, что важным направлением противодействия информационному воздействию идеологии экстремизма является активные наступательные контрэкстремистские дискурсивные технологии, осуществляемые, в числе прочего, силами общественных объединений (и даже отдельных граждан). Для этого необходимо налаживать партнерские отношения с общественностью, создавая профессиональные группы из сочувствующих (желающих сотрудничать) граждан. Делается акцент на деятельности по противодействию экстремизму, осуществляемому силами не только правоохранительных органов (полиции), но и их тесной координации с гражданскими органами государственного и местного управления. В работе использованы методы: контент-анализ, анализ статистической информации, а также вторичный анализ данных ВЦИОМ и Левада-Центра. Основными выводами проведенного исследования проблемы противодействия распространению экстремистской идеологии в условиях постоянно меняющегося (приспосабливающегося) экстремистского дискурса являются выводы о том, что возложенная на органы внутренних дел Российской Федерации (полицию) обязанность противодействия (борьбы) с проявлениями экстремизма не достигает должного эффекта. Решить эту проблему помогут новые технологии вычленения дискурса экстремистской идеологии и активная деятельность (со стороны правоохранительных органов) по налаживанию партнерских отношений с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: Экстремизм, идеология, дискурс, противодействие, информационная среда, «окно Овертона», полиция, гражданское общество, общественные организации, вигиланты.

Review: The author considers the problem of extremist discourse transformation, the strengthening of rhizomaticity of information impact of extremist ideology. Using the example of the Overton window concept, the author demonstrates the technology of a communicative discourse transformation from "inconceivable" to "the existing standard". The author notes that one of the priorities of extremist ideology information impact prevention is the set of active, aggressive counter-extremism discourse technologies applied by public associations and individuals. For this purpose, it is necessary to develop partnership relations with the society and establish professional groups of sympathizers. The author emphasizes the activity, aimed at extremism prevention, implemented not only by law enforcement agencies (police), but also in close coordination with civil state and local authorities. The author applies content-analysis, statistical data analysis, and secondary analysis of the data of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) and the Levada-Center. The author concludes that the responsibility for extremism prevention, imposed on internal affairs agencies, is not effectively discharged. The problem can be solved with the help of new technologies of extremist ideology discourse detection and activities of law enforcement agencies aimed at establishing partnership relations with civil society institutions.

Keywords: Vigilantes, social organizations, civil society, police, Overtone window, information environment, prevention, discourse, ideology, extremism.

Современные коммуникационные технологии усилили ризомичность (ризома (от фр. *rhizome* – корневище) – понятие, введенное в оборот Ф. Гваттари (Pierre-Félix Guattari) и Ж. Делузом (Gilles Deleuze) и обозначающее тип организации социальной системы (в данном случае информационной), где разрыв одной связи не приводит в ее гибели – просто одна «нить» коммуникации заменяется другой, без снижения общей массы информационного потока) [1] информационного воздействия экстремистской идеологии, что снижает эффективность противодействия ее деструктивной направленности. Полномочия правоохранительных органов (полиции) не достаточно проработаны, что не позволяет своевременно реагировать на информационные сигналы, например, разжигающие национальную, религиозную или социальную рознь. На это накладывает анонимность информационных акторов, отсутствие жестко иерархичной структуры и пр., что существенно снижает эффективность традиционных технологий противодействия информационному экстремизму.

В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2] особое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности, хотя акцент в основном делается на ее технический аспект. Фактором, затрудняющим противодействие распространению идей экстремизма в сети Интернет, является один из фундаментальных принципов его организации – анонимность. Конечно, она относительна – есть технологии вычисления (поиска) IP-адресов, сетевые анализаторы трафика (снифферы), системы технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий (типа СОПМ-2) и др. Но для обмена (координации) информацией между друг другом экстремисты начали активно использовать анонимные сети, такие как ANts P2P, Bitmessage, Filetopia, Freenet, GUnet, Gnutella2, Invisible Internet Project (I2P).

Возможности для пресечения информационных угроз, еще недавно считающиеся вполне достаточными, на современном этапе снижаются, а запретительные меры (если не идти по пути Северной Кореи) мало возможны – информация (как вода) все равно най-

дет путь к широкому кругу потенциальных ее потребителей. Тем самым из виду упускается информационно-психологическая составляющая информационной угрозы экстремизма: зарождение и формирование общественного мнения. Манипулирование им является одной из целей, в том числе с помощью информационных и коммуникационных технологий (в том числе и дискурс-технологий).

Современные идеологи экстремизма от открытых призывов перешли к скрытым посланиям. Они стали формировать свою контр(суб)культуру, своеобразный экстремистский андеграунд (от англ. *underground* – подполье, подпольный; *under* – под, ниже, *ground* – земля, площадка, пол). Контент, конечно же, остается экстремистским, но суть информационного посыла переходит в подтекст, «салтыково-щедринскую» метафору. Так, например, критика проявлений коррупции в органах внутренних дел начинает подменяться выводом о несправедливом государственном устройстве, за которым (закономерно) следуют призывы к устранению несправедливости и т.д. Такие призывы могут принимать форму даже псевдо идеологии, расширяя круг адептов радикальных действий.

Что отличает, например, А. Брейвика от Д. Виноградова? Оба совершили свои преступления общественно опасным способом, с применением огнестрельного оружия. Оба заранее подготовились, и жертвами обоих стали люди, на которых они не планировали (первоначально) излить свою ненависть. И тот, и другой оформили и распространили свои взгляды как некие манифесты. Только первый на основе своих антимультимедийных, антииммигрантских воззрений убил в Осло и на острове Утуйа 77 человек (Норвегия, июль 2011 г.), а второй «всего лишь» был разочарован в своих чувствах к женщине, на почве чего у него развились мизантропические взгляды, и он убил 6 человек (Москва, ноябрь 2012 г.). Но разве можно считать и первого, и второго экстремистами? Вероятно, нет. Тогда по каким же критериям можно выделить их преступные действия как экстремистские, а не общеуголовные?

По нашему мнению, это специфический дискурс информационного сопровождения своих действий. Они выражают свои взгля-

ды в конкретных терминах. Такой дискурс, по мнению исследователей, представляет собой «совокупность деструктивно-девиантных высказываний, характеризующих насильственным диктатом, анонимностью, симулятивностью, использованием новояза, морально-амбивалентностью, интертекстуальностью, выступающих в качестве управленческого инструмента устрашения людей, использующего скрытые значения, коды, метафоры и другие средства выражения языка, а также современные медиатехнологии для активного насильственного влияния на общественное сознание, в целях формирования определенной «террористической» картины мира и соответствующих знаний, убеждений и поведения в социальном пространстве власти» [3, с. 225].

Не менее важно понять границы дискурса относительно экстремистских взглядов. В шведском языке есть метафора *åsiktskorridor*, означающая «коридор мнений», за пределы которого ты не можешь выйти [4]. Предполагается, что некие словообразования, составляющие основу экстремистского дискурса, очерчены, их употребление сразу маркируется и, в дальнейшем, табуируется. Но то, что кажется немислимым к использованию в социальной коммуникации сейчас, может быть вполне допустимым в ближайшем будущем. Так, русский мат, будучи обсценной (от лат. *obscenus* – непристойный, распутный, безнравственный) лексикой, постепенно переходит из практик бытового употребления в широкодоступную (а не элитарную) литературно-художественную сферу, тем самым легитимизируя его. Вводя в оборот новые эвфемизмы, распространители идей экстремистской идеологии благоречиво заменяют ранее табуированные темы вполне себе допустимым дискурсом.

Пояснением подобных трансформаций может служить концепция «окна возможностей дискурса» («окна Овертона»), введенная в оборот по имени Дж. Овертона. С ее помощью можно понять, как устойчивые формы когнитивных образований (фреймов) могут преобразовываться от (*кажущиеся*) немислимого к действующей норме. В концепции Дж. Овертона преобразование перехода показано как последовательный перевод употребляемого контента от: а) *немислимого* к

б) *радикальному*; затем к в) *приемлемому*, от него через г) *разумное* и д) *стандартное* к е) *действующей норме*. Причем важным (фактически, ключевым) этапом указан перевод дискурса от *радикального* к *приемлемому*. Происходит замена неприемлемых терминов эвфемизмами, которые уже не «режут» слух, а позволяют употреблять их в открытом дискурсе. Например, «смена режима» заменяет насильственное свержение легитимной власти; «силами национальной безопасности» обобщают откровенные неонацистские вооруженные формирования типа батальонов «Азов», «Донбасс»; незаконные вооруженные формирования (НВФ) – инсургентами (повстанцами), и пр.

Объекты информационных воздействий самые разные, но их «вес» по сравнению друг с другом не одинаков. По мнению А. Казакова, наиболее очевидным направлением негативного информационного воздействия на сознание (*российских граждан*) заключается в «... дискредитации органов государственной власти в глазах населения страны, противопоставлении общества и государства, граждан – институтам государства и т.д.» [5, с. 109]. И, как отметил Д. Передня, «... в настоящее время значительная часть граждан рассматривает органы правопорядка как нелегитимную помеху на пути к их представлениям о справедливости, благополучии, свободе» [6, с. 153]. Это подтверждают и оценки гражданами эффективности специализированных структур МВД России по противодействию экстремизму (табл. 1,2) [7]. Хотя общественное мнение вполне позволяет усиление санкций государства, направленные против тех проявлений экстремизма (его идеологии), которые табуированы недавней историей (нацизм) (табл. 3) [8].

Распространение информации о факте экстремистской деятельности становится более важной и определяющей задачей, чем сама акция. Общественный резонанскратно усиливает изначально даже не «громкий» экстремистский акт, особенно если он будет (псевдо)социально-справедливой направленности (например, против органов власти). Цель подобных информационных акций – влияние на общественное мнение, а через него на власть.

Полиция и проблемы противодействия терроризму и экстремизму

Таблица 1

Скажите, знаете ли Вы точно, какие задачи и функции возложены на следующие министерства и ведомства, какими они обладают полномочиями (Департамент по противодействию экстремизму МВД РФ)?

(закрытый вопрос, один ответ)

Варианты ответов	Числовые данные в процентах
Хорошо знаю задачи и функции этого ведомства	12
Имею только общее представление о задачах и функциях этого ведомства	37
Плохо представляю себе задачи и функции этого ведомства	43
Затрудняюсь ответить	8
Нет ответа	0
Итого	100

Таблица 2

Как, на Ваш взгляд, нижеперечисленные министерства и ведомства справляются с поставленными перед ними задачами (Департамент по противодействию экстремизму МВД РФ)?

(закрытый вопрос, один ответ)

Варианты ответов	Числовые данные в процентах
Отлично	2
Хорошо	16
Удовлетворительно	27
Плохо	14
Затрудняюсь ответить	42
Итого	101

Таблица 3

Как Вы относитесь к следующим законопроектам, предложенным некоторыми российскими политиками? Приравнять оправдание нацизма к политическому экстремизму и карать за него соответствующим образом?

(закрытый вопрос, один ответ)

Варианты ответов	Числовые данные в процентах
Скорее поддерживаю	78
Скорее не поддерживаю	13
Затрудняюсь ответить	8
Итого	99

Именно достижения в сфере современных коммуникаций позволили экстремистам более эффективно распространять свою идеологию. Ее масштаб стал кратно несопоставим с предыдущими практиками, ориентированными на сравнительно небольшой круг лиц. Они эффективно используют социальные сети, привлекают для создания своего контента профессионалов. От примитивных текстовых посланий они перешли к музыкальным (клиповым) произведениям.

Одним из направлений такого информационно-разрушающего воздействия являются компьютерные игры, исподволь расшатывающие действующие моральные нормы. Примером является игра *Company of Heroes 2*. Ее действия разворачиваются в годы Великой Отечественной войны, где ярко отрицательными персонажами являются войска НКВД, занимавшиеся расстрелами бойцов РККА. Причем немецкие солдаты показаны как стойкие, героические персонажи, выполняющие свой воинский долг. Рейтинги этой игры довольно высоки: ряд профессиональных сайтов (напр., *PC Gamer* и *Metacritic*) присвоили этой игре в среднем 80 баллов из 100. Наличие мощной и эффектной графики, внимание к деталям, агрессивный сюжет затмевает собой канву событий, не позволяет критически относиться к сюжетным событиям. Тем самым и происходит «ползучий» переход от *немыслимого* через *радикальное* к *приемлемому*.

Однако проблема табуирования экстремистского дискурса силами только государства в современном обществе не может быть успешной (если, конечно не идти по пути тоталитарных государств). Противник слишком мелок, рассредоточен, ризомичен. Для противодействия такой силе необходим союзник, обладающий как минимум такими же качествами. Для этого необходимо «сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности» [9, ст. 2], т.е. работать в партнерстве со всеми, кто занимается данными проблемами. Важным направлением противодействия информационному воздействию идеологии экстремизма силами общественных объединений (и даже отдельных граждан) является активные наступательные действия, контрэкстремистские дискурсивные технологии, при условии обеспечения безопасности людей от вреда, причиня-

емого экстремизмом. Необходимо дать людям возможность использовать Интернет, чтобы самостоятельно вести борьбу с экстремистской идеологией в этой информационно-коммуникационной сети. Одновременно с этим необходимо работать с операторами социальных сетей, чтобы препятствовать распространению экстремистских идей, блокируя их контент.

На современном этапе традиционные (и массовые) возможности распространения экстремистских идей еще могут (с некоторыми исключениями) контролироваться властью. Программы дошкольного, среднего и высшего образования лицензируются (аккредитуются) государственными органами; допустимость употребления обценной лексики мастерами культуры обосновывается; почти все электронные программы распространения информации имеют те же ограничения. Однако, как считает ряд исследователей, «... основным союзником экстремистов в процессе создания сенсации выступают, по мнению 92,1 % респондентов, телевидение и Интернет...» [10, с. 162]. Но используются они по-разному: для деструктивного информационного воздействия терроризма более важна «картинка» (теле или видеосюжет); для распространения идей экстремизма, наоборот, преобладающее значение имеет текст.

Идеологии экстремизма в Интернет-пространстве необходимо противопоставить контр-идеологию, оспаривая их ложные утверждения. Необходимо налаживать партнерские отношения с общественностью, создавая профессиональные группы из сочувствующих (желающих сотрудничать) граждан. Противодействовать распространению идей экстремизма готово множество людей и организаций, но их голос зачастую заглушается более организованными и целеориентированными действиями экстремистов. Необходимо опираться на «формирователей» общественного мнения – блогеров и пр. Таким «группам сопротивления» нужно помогать необходимыми информационно-техническими ресурсами.

Гражданские инициативы по борьбе с распространением экстремистской идеологии в настоящее время приобретают все более организованные формы. Примером является организация, именуемая «Лига безопасного Интернета» (крупнейшая в России организация, созданная для противодействия распространению опасного контен-

та во всемирной сети. Была учреждена в 2011 г. при поддержке Минкомсвязи РФ, МВД РФ, Комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин и детей.) [11]. Как заявлено на ее сайте, целью ее деятельности является «искоренение опасного контента путем самоорганизации профессионального сообщества, участников Интернет-рынка и рядовых пользователей», а одной из задач – помощь государственным структурам в «... борьбе с созданием и распространением опасного контента: ... фашизма и экстремизма; экспертное участие в разработке законодательных инициатив, направленных на ликвидацию опасного Интернет-контента». Основным ее боевым крылом являются так называемые «кибердружинники» – межрегиональное молодежное общественное движение, созданное Лигой безопасного Интернета в 2011 г. Однако главной проблемой «Лиги безопасного Интернета» и ее дружины, по мнению Ю. Латова, является «отсутствие внятной идеологии противодействия экстремизму» [12, с. 35].

Но следует быть осторожными, предоставляя активистам площадки для выступлений. Среди внешне лояльных граждан могут оказаться агенты влияния (от *лат. agens* – действующий: а) должностное лицо, либо лицо, пользующееся обществ. доверием и авторитетом, осуществляющее систематическую деятельность по реализации целей политики иностранного государства; б) общественный деятель, проводящий политику какой-либо партии или организации в среде, не принадлежащей к этим структурам) [13] экстремизма. Экстремистские идеи могут распространяться под прикрытием

благих мероприятий – сбор средств, привлечение внимания к общественно значимым проблемам и пр. Выступления на инициированных государством форумах придаст их взглядам и идеям отблеск легитимности, хотя их убеждения и будут противоречить официальной позиции относительно идей экстремизма. Тем более что к табуированию тем (проблем) нужно относиться предельно осторожно – иначе существует опасность вывести из поля публичного дискурса не социально-опасный контент, а просто неприятный (угрожающий) конкретным представителям истеблишмента (например, темы коррупции). По мнению Л. Ярмоленко, «... неумелые попытки установить барьеры для распространения экстремистских материалов могут породить борьбу с «ветряными мельницами» и «охоту за ведьмами», а экстремизм будет продолжать «цвести махровым цветом» угрожая общественной и государственной безопасности» [14, с. 207].

Примером может явиться практика признания материалов экстремистскими, реализующаяся в России в настоящее время. Органом, правомочным принимать решения о включении в список Минюста России материалов, в которых содержатся экстремистские высказывания, в перечень запрещенных, и последующее запрещение их к обороту (хранение, распространение), является суд, и этот порядок недостаточен прозрачен. Отсутствие понятных критериев может привести к однобоко-субъективному суждению. В последнее время (начиная с 2012 г.) количество материалов, признанных экстремистскими, растет (подсчитано автором) (рис. 1).

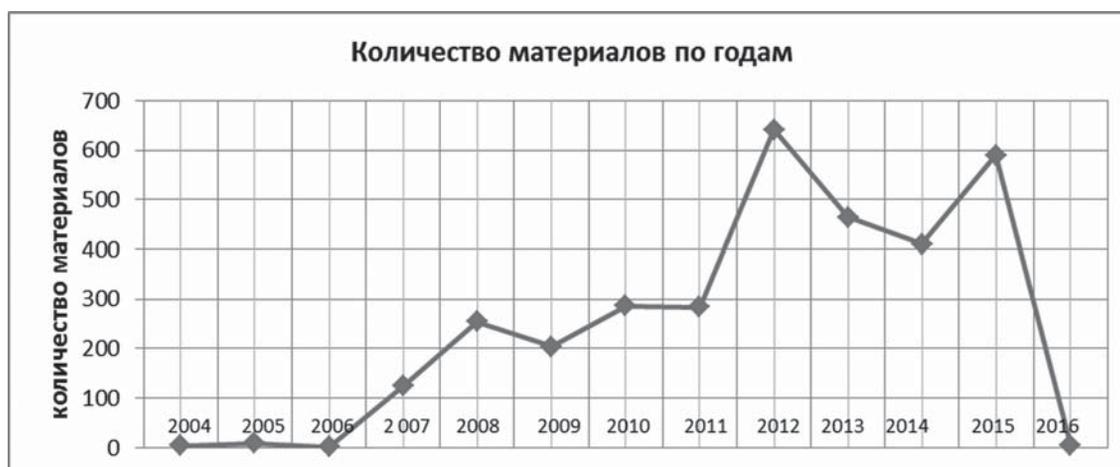

Рис. 1. Динамика включения материалов, признанных экстремистскими, в список Минюста России (по состоянию на 20.03.2016)

И нередко недостаточно компетентно подготовленное решение может принести обратный эффект: возмущение этой ошибкой будет играть на руку экстремистам – ведь общественный резонанс может стать началом более серьезного конфликта. Под «нож» могут попасть тексты, имеющие исторический и культурный (религиозный) смысл. Примером может быть случаи с признанием районными судами Новороссийска (2013) и Южно-Сахалинска (2015) переводов Корана на русский язык экстремистскими материалами. После возмущения, обсуждения этих частных случаев в традиционных СМИ и в блогосфере (наверняка и с участием экстремистов) были приняты поправки в закон «О противодействии экстремистской деятельности», гласящие, что «... в целях обеспечения равного уважения к мировым традиционным религиям Федеральным законом установлено, что Библия, Коран, Танах и Ганджур, составляющие духовную основу христианства, ислама, иудаизма и буддизма, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [15]. Государство поправило свои ошибки, но текстов слишком много, и если рассчитывать только на дальнейшее исправление ошибок, оно будет постоянно в позиции обороны.

Необходимо выявлять и диагностировать каналы проникновения информационных угроз экстремистских идей путем так называемого энтризма (от англ. *entryism* (англ.) – политическая тактика, посредством которой одна организация поощряет проникновение своих членов в другую организацию для вербовки новых сторонников или полного захвата власти в этой организации обычно речь идет о тактике политических партий или о попытках воздействовать на государственные структуры путем внедрения в них своих членов) [16]. Это может быть не только осознанная деятельность субъектов информационно-пропагандистского воздействия, но и пассивных распространителей экстремистской идеологии – людей, некритически мыслящих, незаметно для себя подпавших по воздействию деструктивных идей. Они зачастую неосознанно становятся агентами влияния.

Внешне все может выглядеть вполне благопристойно – интересная дискуссия, обмен

мнениями и пр. Но, формально находясь в легитимном поле, агенты влияния могут распространять свою идеологию. Необходимы конкретные технологии выявления, контраргументации и общего контента подобных дискуссий. Полиции, гражданским органам государственной власти и местного самоуправления должны быть разработаны рекомендации, четко устанавливающие характер полномочий и обстоятельства, при которых они могут использоваться. На местном уровне необходимо организовывать постоянные форумы, площадки выражения мнений здорового большинства, увеличивать силу их воздействия. На них могут (должны) выступать представители власти (полиции), чтобы дать людям услышать важную информацию от первых лиц. Многие вопросы так и не перейдут в группу нерешенных проблем, могущие стать информационным поводом для появления экстремистских взглядов. Необходимо осуществлять не только анализ собранной информации, но и активно присутствовать в информационном пространстве (в основном в сети Интернет). Для этого целесообразно создавать сервисы обратной связи, предоставляющие гражданам возможность сообщать о фактах распространения экстремистских идей.

Таким образом, первоначальным действием должна стать именно реакция в форме выявления причин экстремистских проявлений, их дискурсивного оформления, и только затем «пресечение, раскрытие и расследование...» последствий экстремизма. В России граждане уже начинают объединяться в различные организации. На начальном этапе они, как правило, не поддерживают взаимодействие с правоохранительными органами (полицией), занимаются самоуправством. Фактически они становятся самостоятельными «дружинниками», вигилантами (от исп. *vigilante* – бдительный, зоркий), и довольно быстро проходят дистанцию от идей восстановления справедливости до конфликта с законом, так как их действия, как правило, противоправны. На слуху такие движения как «Стопхам», «Общество синих ведерок», «Хрюши против» и др. Они активно обмениваются информацией, имеют свои сайты (напр., <https://www.youtube.com/user/stopxamlive>; <http://хрюши.рф>). Отсутствие реакции со стороны правоохранительных органов на их действия вызывают

у них двунаправленную реакцию: с одной стороны, формируется ощущение молчаливой поддержки со стороны полиции и, в дальнейшем, чувство безнаказанности; с другой стороны, отсутствие поддержки со стороны сотрудников полиции справедливых (по их мнению) действий вызывает у вигилантов протест против правоохранительных органов. Этот протест аккумулируется и распространяется через Интернет, привлекая все больше сторонников. Конечно, вряд ли у нас дойдет до ситуации как в Мексике, где жители штата Мичоакан, возмущенные бездействием полиции в обеспечении их безопасности от местного преступного картеля «Тамплиеры», вооружились и стали с боями освобождать от преступников города, разоружая местную корумпированную (по их мнению) членами картеля полицию [17]. Но тенденции надо улавливать и вовремя на них реагировать. Время перехода от обвинений в бездействии правоохранительных органов на запросы населения в обеспечении безопасной социальной среды к политическим обвинениям (лозунгам) может быть очень малым. Важно чтобы эти, по сути, полезные социальные движения вошли в рамки закона, и избавлялись от политических лозунгов.

Закономерным выводом из этого должно стать предположение о создании системы идентификации проявлений экстремистской идеологии, которая является именно угрозой, и отграничить ее от хоть и крайних, но вполне допустимых (терпимых) в информационном пространстве дискурсов. В противодействии распространению идеологии экс-

тремизма должны быть объединены усилия заинтересованных сторон: органов государственной власти (включая полицию), местного самоуправления, общественных организаций, образовательных учреждений, СМИ. В противодействие (борьбу) распространения экстремистских идей необходимо вовлекать и работодателей. Многие элементы розни начинаются в трудовых коллективах, особенно с наличием иммигрантов из республик бывшего Советского Союза. Необходимо разбираться в технологиях работы экстремистов, их идеологических взглядов и возможных последствий нанесенного ими вреда.

Активное участие в этой деятельности должны принимать ученые и научные сотрудники образовательных и научно-исследовательских учреждений, как ведомственно-силовой принадлежности, так и гражданского сектора (в том числе негосударственного профиля). Необходимо вскрывать попытки проникновения экстремистов (их идей) в различные общественные организации: спортивные, благотворительные, культурные и др. Противодействуя экстремистской идеологии, надо бросать вызов экстремистской пропаганде, не пропуская ни одного призыва (теория «нулевой терпимости»), в режиме онлайн. Необходимо налаживать партнерские отношения со всеми, кто выступает против идеологии экстремизма. При этом надо опираться на возможности не только государственных (муниципальных) органов, но и общественных организаций и физических лиц.

Библиография:

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 1996. С.9-31.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (в действ. ред.).
3. Кафтан В.В., Найдина Т.В. Дискурсивные практики современного терроризма в информационно-коммуникативном пространстве // Пространство и время. 2013. № 3 (13). С. 222-230.
4. Трауб Джеймс (James Traub). Смерть самой щедрой страны в мире (The Death of the Most Generous Nation on Earth) / Foreign Policy, США. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/02/10/the-death-of-the-most-generous-nation-on-earth-sweden-syria-refugee-europe/> (дата обращения: 15.02.2016 г.).
5. Казаков А.В. Противодействие негативному информационному воздействию на сознание российской молодежи // Власть. 2015. № 9. С. 107-112.
6. Передня Д.Г. Самоимидж и воспринимаемый имидж полиции России // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 152-157.

7. Таблицы 1-2: база результатов опросов россиян «Архивариус» (20.09.2009). ВЦИОМ (сайт). URL: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения: 04.03.2016 г.).
8. Левада-Центр (сайт). URL: <http://www.levada.ru/2015/05/06/predstavleniya-rossiyan-o-rashodah-na-pitanie/> (дата обращения: 04.03.2016 г.).
9. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. (в действ. ред.).
10. Елизаров И.Е., Казанцев С.Я., Кикоть В.Я., Кофман Б.И., Миронов С.Н., Сафиуллин Н.Х., Эриашвили Н.Д. Терроризм: борьба и проблемы противодействия / под ред.: Кикоть В.Я., Эриашвили Н.Д. М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 592 с.
11. Лига безопасного Интернета (сайт). URL: <http://www.ligainternet.ru/liga/about.php> (дата обращения: 3.03.2016 г.).
12. Латов Ю.В. Пост-пост-советская молодежь как актор «нового» экстремизма // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. 2013. № 2. С. 31-35.
13. Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. 1312 с.
14. Ярмоленко Л.В. Дискурс экстремизма в религиозном аспекте общественной безопасности // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2013. № 3 (36). С. 205-207.
15. О внесении изменения в федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон от 23.11.2015 № 314-ФЗ.
16. Англо-русский экономический словарь по экономике и финансам / Под редакцией проф., д-ра экон. наук А.В. Аникина. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 1993. 590 с.
17. Мексиканские вигиланты столкнулись с картелем Тамплиеров в штате Мичоакан (Mexico vigilantes clash with Knights Templar cartel in Michoacan). Би-Би-Си (сайт). URL: <http://www.bbc.com/news/world-latin-america-25708297> (дата обращения: 25.02.2016 г.)

References (transliterated):

1. Delez Zh., Gvattari F. Rizoma // Filosofiya epokhi postmoderna. Mn.: Interpresserviz; Knizhnyi Dom, 1996. S.9-31.
2. Kaftan V.V., Naidina T.V. Diskursivnye praktiki sovremennogo terrorizma v informatsionno-kommunikativnom prostranstve // Prostranstvo i vremya. 2013. № 3 (13). S. 222-230.
3. Traub Dzheims (James Traub). Smert' samoi shchedroi strany v mire (The Death of the Most Generous Nation on Earth) / Foreign Policy, SShA. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/02/10/the-death-of-the-most-generous-nation-on-earth-sweden-syria-refugee-europe/> (data obrashcheniya: 15.02.2016 g.).
4. Kazakov A.V. Protivodeistvie negativnomu informatsionnomu vozdeistviyu na soznanie rossiiskoi molodezhi // Vlast'. 2015. № 9. S. 107-112.
5. Perednya D.G. Samoimidzh i vosprinimaemyi imidzh politzii Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 1. S. 152-157.
6. Elizarov I.E., Kazantsev S.Ya., Kikot' V.Ya., Kofman B.I., Mironov S.N., Safiullin N.Kh., Eriashvili N.D. Terrorizm: bor'ba i problemy protivodeistviya / pod red.: Kikot' V.Ya., Eriashvili N.D. M.: Zakon i pravo: YuNITI-DANA, 2004. 592 s.
7. Latov Yu.V. Post-post-sovetskaya molodezh' kak aktor «novogo» ekstremizma // Protivodeistvie terrorizmu. Problemy XXI veka – COUNTER-TERRORISM. 2013. № 2. S. 31-35.
8. Yarmolenko L.V. Diskurs ekstremizma v religioznom aspekte obshchestvennoi bezopasnosti // Kaspiiskii region: ekonomika, politika, kul'tura. 2013. № 3 (36). S. 205-207.